

ЕЛЕНА ПОЦЕЛУЕВА
ЗАЛОЖНИК



Я РАССКАЖУ ТЕБЕ,
КАК УБИТЬ ЛЮБОВЬ

18+

Елена Поцелуева

Заложник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56435798

SelfPub; 2020

Аннотация

Вы когда-нибудь думали, как убить любовь? Эту мучающую тебя неумную страсть, разрывающую и разрушающую тебя и твою жизнь. Почему любовь становится болью, а не спасительным кругом в нашем жестоком мире? Я расскажу тебе, что делать.

Елена Поцелуева

Заложник

Если ты читаешь это, значит, я свободен. Я расскажу лишь об одном дне своей жизни: о дне, когда я убил её, страстно любимую и мучившую меня столько лет. О, как горело мое сердце при мысли о ней. Она же чувствуя это, издевалась искуснее, и искуснее, выдумывая все новые пытки для моей истлевшей от любви души.

Мы познакомились детьми и привязались друг к другу. У нас было много общего: мы любили книги и сидеть у реки, молча взявшись за руки, смотреть на водную гладь. Вспоминая эти минуты умиротворения, слезы наворачиваются у меня на глаза. Это было поистине счастливое время. По мере того как мы росли, счастье мое уменьшалось. Изабелла изменилась. Она была окружена вниманием поклонников, как плотным кольцом, и иногда казалось, что она задыхается в этом замкнутом кругу, но и вырваться из него не может. Куда бы она ни пошла, ее везде сопровождали воздыхатели разного возраста и ранга. Мужчины млели от одного взгляда на нее. Наверное, богиня любви Венера, поцеловала ее при рождении, наградив даром покорять мужские сердца. Изабелла мучилась от этого дара. Достаточно ей было появиться на улице, в магазине, в парке, мужские взоры были прикованы только к ней. Безусловно, она была хороша:

длинные вьющиеся волосы цвета теплого заката ниспадали на пышную грудь, тонкая талия, затянутая в корсет, стройный стан, огромные, миндалевидные глаза глубокого синего цвета. Она излучала любовь, приковывая к себе, как магнит, заставляя разглядывать ее бесконечно – всю целиком и каждую часть по отдельности, пока ты не натыкался на манящие, томные глаза и тонул в них. Они затягивали, как в омут. Там, на дне, было забвение, всего, что ты знал до нее. Теперь ты полностью, без остатка, принадлежал ей. Она повелевала твоей волей. Спасения не было.

Изабелла устала от всего этого и хотела покоя. Общение с поклонниками истощало ее силы. Видя это, я пытался отогнать назойливых воздыхателей, осаждавшими ее и днем и ночью. За что меня сильно избили, я попал в больницу. Изабелла не отходила от меня сутками. А когда я поправился и вернулся домой, все изменилось. Раньше, уставшая от избытка внимания Изабелла теперь радовалась каждому новому поклоннику. Восхищенно рассказывая мне о каждом новом ухажере. Её отношение к ним поменялось, она научилась извлекать выгоду. И это бесконечно радовало ее. Раньше она отдавалась общению, потому что была добра и не могла отказать. Теперь же она поняла, какую власть имеет над мужчинами, и пользовалась ею себе во благо.

Не скрою, ее победы выводили меня из себя, я не мог выносить ее рассказов, в которых она делилась со мной подробностями своей личной жизни. После того, как она уходила, я

напивался, бил стены, кусал подушку, рыдал, стонал, но поделаться с происходящим ничего не мог – она не принадлежала мне. Родители наши умерли, когда мы были подростками. Я пообещал матери Изабеллы позаботиться о ней. Я работал грузчиком в порту. Весь заработок тратил на то, чтобы угодить ей. От природы я крепок, высок, физическая работа сформировала во мне недюжинную мускулатуру, и чтоб выплеснуть накопившуюся злобу, я стал участвовать в кулачных боях. Придя домой и, падая с ног от усталости, я снова и снова выслушивал рассказы о ее похождениях. О, как она мучила меня. Со временем я привык и начал засыпать под них, как засыпают дети под колыбельную матери.

Однажды, придя домой, я увидел, что вещей ее нет. Ее нет. Ужас охватил меня. Я бросился на улицу, искал ее, кричал ее имя, от меня шарахались одинокие прохожие и собаки. Я заходил во все закоулки, осматривал каждый закуток. Пробегав до утра, я вернулся в свою комнату и упал на пол. Сон унес меня, я проспал до вечера, а очнувшись, поплелся в порт на работу. Я плохо помню этот месяц без нее. Я почти ничего не ел, не спал, исхудал, стал похож на тень. Теперь даже при свете дня люди сторонились меня, огромного, угрюмого, с затравленными глазами.

И вот она появилась как радуга, как солнечный цвет, ниоткуда. Она припала к моей груди, мы, молча, лежали в тишине ночи, я не верил себе, не верил, что она рядом. Мне казалось, это сном, пока она не заговорила.

– Ты знаешь, где я была? О, это чудесная страна. Тебе нужно побывать там. Я сказала ему, что ты мой брат, и мы заберем тебя. Я приехала за тобой. Собирайся. Ну-же. Ты нужен мне.

Я пристально смотрел на нее, плохо понимая, о чем она говорит.

Она смутилась:

– Прости, я не смогла тебя предупредить. Все сложилось так быстро, я пошла на базар, как обычно, – она откинула локон, выпавший из прически – и тут остановился экипаж. Из него выскочил какой-то господин и стал уговаривать меня поехать с ним на край света. А точнее в его дом в Париже. Он упал на колени, стал молить меня, мне сделалось так стыдно. Все смотрели, представляешь? Чтобы прекратить это, я села в карету. Мы заехали домой, но тебя не было, я собрала вещи, и мы поехали в порт. Там я тоже не нашла тебя и мне пришлось уехать одной. Он пообещал, что обеспечит меня и мою семью, тебе не придется больше убиваться в порту и на боях. Я согласилась. О, если бы ты видел, что это за дом, какой чудесный у него сад, мы не будем больше нуждаться. Мы будем там счастливы.

Изабелла щебетала, как птичка, рисуя счастливую картину безмятежного будущего. Я прервал ее мечты:

–Брат?! Изи. Брат!?

– Да. Не могла же я сказать ему что ты не ...брат? Он не согласился бы взять тебя.

– Как я буду жить там с вами?!– взревел я, – зная, что ты принадлежишь ему?

Изабелла смущенно отвела взгляд:

– Я никому не принадлежу, поэтому ты и жив. Ты останешься жив, но тебе придется делить меня с ним. Иначе – разлука.

– О, Боже, Изабелла, о чем ты? – я простер руки к небу, вопрошая его, а не Изи.

– Когда тебя избили, тогда, помнишь? – Изабелла прищурилась, – ты лежал в больнице, и я не отходила от тебя. Я поняла, что они мстят тебе за то, что ты возомнил, будто я принадлежу тебе. Они убили бы тебя, чтобы у них была надежда обладать мною. Я не могла этого допустить, не могла ...

Она разрыдалась и крепко обняла меня. Сглотнув слезы, она продолжила

– Я пыталась избавиться от этого внимания. Я порезала себе щеку – и она провела пальцем по глубокому шраму на левой щеке.

– Но, постой, – прервал я ее – ты же говорила, что повредила щеку, когда каталась на лошади и не заметила ветку сухого дерева.

– Да, это я сказала тебе. Я думала, уродство отпугнет их, и они оставят меня в покое. Но нет. Тогда я отрезала свои кудри, думая, что они всему виной. Опять не помогло. Что-то внутри меня притягивало их. Я поняла, что должна каждому из них оставить надежду на обладание мной, чтобы обезопа-

силь тебя.

– Глупая, я провел рукой по ее шелковым волосам.

Она резко убрала мою руку и встала.

– Нет. Знаешь ли ты, на что мне пришлось пойти, чтобы спасти тебя? Тогда в больнице, – она нервно сглотнула, – доктор запросил огромную сумму, чтобы спасти тебя. У меня ее не было. Мне пришлось расплатиться собой. Это было ужасно, – и она заплакала снова. Я подскочил с кровати:

– Но зачем, Изи? Негодование душило меня.

– Я люблю тебя. Она зарылась в мою грудь, я крепко прижал ее и стал целовать жарко-жарко пока это не переросло в большее. Мы остановились только под утро, когда стало светать. Я заснул с блаженной улыбкой. Она моя. Она принадлежит мне. Моя Изи.

Солнечнее лучи разбудили меня, я открыл глаза и начал ощупывать рукой место, где лежала Изи. Пусто. Я поднялся на кровати. Не сон ли это? Мое воспаленное сознание вполне могло выдать иллюзию за реальность. Я стал вспоминать, взгляд мой упал на тонкий пудровый платок с шеи Изабеллы. Я вскочил и поднял его. Значит это не сон. Она была здесь. Одурманенный, я вышел на улицу, прохладный ветер ворвался внутрь и прояснил мои мысли, улыбка исчезла с моего лица.

Я прокручивал в памяти наш разговор. На что пришлось пойти бедной малышке, чтобы спасти меня. Кулаки сжались сами собой. Я больше не отдам ее никому. Буду работать до

умопомрачения, чтобы моя Изи была счастлива. Стук колес подъехавшего экипажа прервал череду моих мыслей. Из экипажа вышел высокий господин в дорогом костюме и шляпе. Он подал руку даме Изабелле, и та легко выпорхнула наружу из прятавшего ее экипажа.

– Знакомься, Джозеф, – обратилась она к господину, – это мой брат, Филипп.

Я машинально кивнул. Высокий господин пошел ко мне и подал руку:

– Что ж. Мы за Вами. Ваша сестра желает, чтобы вы жили с нами. О, – он потрогал мои мускулы, – да, Вы силач, Филипп.

Я скрылся в своей комнате. Изи пошла за мной, что-то шепнув Джозефу.

Когда она вошла, я накинулся на нее и стал яростно трясти. Ревность обуяла меня, я не мог остановиться.

– Что происходит, объясни? Все, что было ночью, ничего не значит для тебя? Зачем ты притащила его сюда?

Изи пыталась вырваться, страстно шепча мне о любви и о том, что хочет позаботиться о моем будущем, боится, чтоб меня не убили в боях:

– Давай устроимся в обществе, а потом раскроемся. Мы будем жить в огромном доме. У тебя будет своя спальня, я буду приходить к тебе так часто, как ты захочешь. Пойми, другого пути нет.

Я не унимался.

– Если, ты не поедешь с нами, я уеду одна.

Ее слова, как лед, охладили меня, я сдался. Собрав скудные пожитки, я покинул коморку, которую мы еще вчера согревали своим теплом.

Париж. О, Париж. Город встретил нас цветущими каштанами и щебетаньем стрижей. Весна. Мы стали жить в одном доме, как брат и сестра. Лишь ночью мы могли скинуть завесу тайны и насладиться друг другом. При свете дня мне трудно было держать себя в руках, чтобы не прикоснуться к ней, а Джозефу не размозжить голову. Зачем я позволил ей уговорить себя поехать. Надо было остаться в своей берлоге, и сгнить там без нее. Зачем я ей? Она дурачит меня!

Настала ночь, еще, еще, Изабелла не приходила, а днем избегала общения со мной. Я сходил с ума. Следующей ночью я сам пришел к ней влез к ней в спальню через балкон. Она была не одна, но и не с Джозефом. Я больше не владел собой. Я стащил с ее постели садовника. О, как он испугался! Он молил о пощаде.

Я ревел на всю спальню так, что Изи пришлось зажать мне рот рукой.

– Он. Он..– она лепетал что-то не внятное. – Он узнал о нас Филипп. Мне пришлось, он хотел рассказать Джозефу. Он угрожал мне.

В гневе я схватил чугунную статую с тумбочки Изабеллы и размозжил негодяю голову. Кровь брызнула мне в глаза в тот момент, когда в комнату вошел Джозеф.

Изи выставила садовника убийцей, который хотел изнасиловать и убить ее и уговорила Джозефа представить все полиции в нужном свете. Я оказался героем, спасшим ее жизнь и честь. Когда все закончилось, она шепнула мне:

– Нам надо быть осторожнее.

Следующие ночи я не впускал ее сам. Я убийца, я стал им из-за нее, из-за любви к ней. Что она сделала со мной? Я убил, убил. Мне нужно было смириться с этим.

Жить пошла тихо и размеренно. Я жил в достатке, выучился управлять экипажем, играть на фортепиано, вести светские разговоры, в моем распоряжении были все блага цивилизации – они не радовали меня. Эта трясина затягивала все глубже. Мне приходилось прятать свои чувства, чтобы никто не заподозрил, что мы с Изи не брат и сестра. Я не хотел убивать снова и осторожничал больше чем Изи, одергивая и пресекая ее невольные жесты и проявления ласки в мой адрес.

Однажды нашу тихую жизнь взбудоражил приезд моего бывшего хозяина из порта. Он вел дела с Джозефом, владеющего несколькими судами. При взгляде на меня он сощурил свои из без того узкие глаза и переспросил Джозефа:

– Так это и есть брат Изи?

– Да, это Филипп, – ответил Джозеф, ничего не подозревая.

После обеда, когда все разошлись из-за стола, Пип подсел ко мне и тихо прошептал:

– Ну, и что тут происходит? Ты дурачишь его? Вы с Изи хотите отобрать у него все? Зачем ты здесь? Из-за нее?

– Пип, – я налил себя и ему кальвадоса.

– Она же портовая девка. За ней волочились все мои ребята, зачем она тебе? Ты сейчас завидный жених, Джозеф доверяет тебе. Делай бизнес.

– Я люблю ее. Она моя жизнь. Я не могу разорвать эту связь, – Пип опустил голову и выхлебал полную рюмку кальвадоса.

– Я помогу тебе, если ты сам не решишься.

Он решительно встал в из-за стола и направился в дом.

Я окрикнул его и предложил проехаться на лошадях, чтобы обсудить дела. Он согласился. Я дал ему самого необузданного жеребца, и, хлестко подстегнув его плетью, направил к оврагу. Пип сломал себе шею, упав с лошади. Все было кончено.

Изи поняла, в чем дело и ночью пришла ко мне.

– Так больше не может продолжаться, ты не можешь убивать каждого, кто попытается раскрыть нас. Нужно что-то делать, – страстно шептала она в моих объятиях.

Она была права. Я был рад, что она все понимает.

Я вдохнул аромат пряных листьев, трепетавших под окном, и обвил руками ее шею, она судорожно задышала, ее глаза наполнились страхом, потом смирением – она поняла, что это выход и закрыла их. Всё. Я отпустил ее шею и сжал ее бездыханное тело. Щebetанье стрижей, проносив-

шихся над окнами спальни, разбудили меня от одурманившего сна. Я открыл глаза. очутившись в мире реальности: она была мертва. Я тряс ее ,тщетно пытаюсь воскресить. Закрыв лицо руками, я издал пронзительный крик, от которого сбегались все жильцы замка. Джозеф, вбежав в спальню, бросился к ней крича в исступлении. Он накинудся на меня с кулаками. Его побои ничего не значили, моя душа умерла. Я взял Изи, крепко прижимая к своей груди, отнес в сад и положил около ее любимых георгинов, запах которых напоминал о доме, так давно утерянном. Я хотел, чтобы георгины запомнили запах своей хозяйки.

На суде я не проронил ни слова. Я не желал раскрыть тайну, я хотел сохранить ее чистоту и непорочность. Никто из них, обездушенных мирскими ценностями, не смог бы понять то, что происходило в моей душе. Я ждал часа своей казни. Я не смог освободиться от любви к ней. Нужно было убить себя, а не ее, мучившую меня и страдающую одновременно.

Три дня, отведенные до вынесения приговора, показались мне вечностью. Убив её, я не убил любовь, жившую во мне все эти годы заскорузлой печатью. Я не в силах был это сделать ни убив ее, ни убив себя. Наша любовь будет жить вечно в наших душах. Я знал, что встречу ее там, за пределами жизни. Сегодня это случится, наши души соприкоснуться вновь и больше не разлучаться.

О, моя любовь. О, жизнь моя, Изабелла. Без тебя я ничто.

Да здравствует смерть! Да здравствует жизнь!»